

Дейл послушно позволил ей идти впереди. Она взяла его за руку и решительно зашагала вверх по лестнице. На этом этаже, казалось, было много спален, но она повела его к первой двери слева, которая, как он подозревал, была главной спальней. Комната оказалась на удивление маленькой, и он быстро понял, что это комната для гостей. Может быть, именно здесь Глория всегда спала—возможно, потому, что больше не чувствовала себя уютно в комнате, где провела столько лет, лежа рядом с мужем? Или она каким-то образом считала эту спальню, где бы она ни находилась, священной, несмотря на то что ее муж был предан забвению, и хотела сохранить ее чистой и незапятнанной?

Он не знал, да и не хотел знать. Когда его впустили в комнату, Глория подошла к столику, стоявшему в стороне от большой кровати, рядом с комодом и мягким креслом. Она спокойно повернулась к нему спиной и начала раздеваться, аккуратно разложив одежду на мягком стуле. Не желая отставать, Дейл быстро разделся и повесил одежду на спинку кровати.

Сняв платье через голову, она лишь на долю секунды задержалась, расстегивая лифчик, а затем выскользнула из трусиков. Дейл смотрел на ее зад с восхищением от ее стройной фигуры и соблазнительных изгибов; но когда она обернулась, выглядя почти застенчивой и девственной в своей наготе, он почувствовал еще большее восхищение ее твердыми, большими, тяжелыми грудями, плоским животом и густым темным кустом, закрывавшим ее пах. Она, вероятно, чувствовала, что ее пятидесятидвухлетнее тело не может сравниться с девушками из колледжа, с которыми Дейл развлекался в прошлые годы, но у него был способ показать, что ей не о чем беспокоиться на этот счет.

Ибо, глядя на его собственную наготу, она выпучила глаза при виде открывшегося им зрелища.

-Вот именно . . . довольно щедрый дар, - сказала она.

Его эрегированный член обычно вытягивался примерно на восемь дюймов, и почему-то он чувствовал, что в этот момент он был еще больше.

-Это все твоя работа, - сказал он.

-Я уверена, что ты говоришь это всем девушкам, - сказала она цинично.

Он не мог придумать ответа на этот вопрос, поэтому стоял молча, когда она подошла к нему и смело схватила его член одной рукой. Это было так тяжело, что она почти стояла прямо рядом с его животом.

-Полагаю, ты хочешь, чтобы я встала на колени и обслужила тебя, - язвительно сказала она.

- Вряд ли, - сказал он, немного шокированный. -Я не верю в покорность женщин."

-А ты разве нет?- сказала она скептически. -Ну, все в порядке: ты сделал меня, так что теперь я должен сделать тебя."

Дейл не совсем понял, что она имела в виду. На самом деле у него не было особого желания кончать ей в рот: может быть, позже, но не сейчас. Поэтому он позволил ей упасть на колени и вставить в рот как можно больше своего органа. Она засунула туда примерно половину, но тут же почувствовала, что ее тошнит, и вытащила ее обратно. Затем она начала процедуру немного медленнее и осторожнее, энергично облизывая и посасывая ствол, одновременно нежно перебирая пальцами его яйца. Время от времени она клала эти шарики в рот, поглощая их так, словно они были большими резиновыми шариками.

Дейл решил, что с него хватит прелюдии, поэтому поднял глаорию с колен и подвел к кровати. Она легла на спину и быстро раздвинула ноги, но Дейл не был заинтересован в том, чтобы погрузиться в нее именно в этот момент. Вместо этого он отдавал дань уважения ее великолепным грудям, облизывая их, посасывая соски и даже проводя языком по исключительно нежной нижней стороне. Временами он сжимал груди вместе, создавая два восхитительных холмика, которые возбуждали его-и, очевидно, Глорию тоже-почти невыносимо. Но теперь пришло время войти в нее.

Скользнув вверх по ее телу, глядя на нее сверху вниз горящим, но нежным взглядом, он вставил в нее кончик своего члена. Было очевидно, что она немного отстала от практики, потому что она задыхалась от простого соприкосновения его плоти со своей; и когда он входил дюйм за дюймом, ее глаза поражались необычной длине и толщине его члена. Ее рот приоткрылся, и она схватила его за попку, как будто не знала, то ли заставить его выйти из себя, то ли заставить его войти в нее еще глубже.

Наконец он полностью вошел в нее, и ощущение физического и эмоционального единения стало полным. Глория инстинктивно подняла ноги и согнула колени, чтобы облегчить Дейлу войти в нее, и странное мяуканье начало вырываться из ее горла, как у кошки в жару, которую удовлетворяет хорошо одаренный том. Дейл гладил ее по всему телу своими руками—лицо, плечи, грудь, бедра, ягодицы—пока он накачивался твердо и эффективно; время от времени он протягивал руку вниз между их телами и гладил ее половые органы, заставляя Глорию вскрикивать от удивления и удовольствия. Дейл хотел, чтобы этот опыт длился вечно, но обнаружил, что восхитительное ощущение пребывания в теплой, влажной киске Глории было для него слишком сильным—и он кончил взрывчато в считанные минуты. Когда его соки хлынули из него, казалось бы, бесконечными потоками, Глория снова уставилась на него широко раскрытыми глазами, пораженная тем, что так много его сущности могло наполнить ее.

Дейл перевернулся на спину, его блестящий член был покрыт как его, так и ее жидкостями. Глория уставилась на свое покрытое потом тело, стараясь не думать о том, как давно она не была в такой ситуации.

На самом деле прошло уже больше трех лет. А потом с мужем двадцати одного года, который, казалось, находил мои телесные прелести все менее привлекательными. И все же, вот мальчик—он на самом деле не более чем мальчик, даже если он признает, что ему двадцать четыре года,-у которого не было никаких проблем с тем, чтобы "поднять его" для меня. Пойди разберись . . .

-Это было что-то особенное, - сказала она, все еще тяжело дыша.

-Ты вдохновила меня, - сказал Дейл с таким энтузиазмом, какой только позволяла его усталость.

Но общее беспокойство, которое Глория испытала, позволив себе запутаться в этом странном сценарии, проявилось в ее следующем замечании.

-Так сколько же еще старух ты трахнул за последнее время?"

Дейл отреагировал совсем не так, как она ожидала.

Сначала он ничего не сказал, и Глория подумала, что он как-то не расслышал ее слов. Затем, с ужасным квакающим звуком, его лицо сморщилось от горя и боли.—

Он начал плакать.

Глория была ошеломлена. Она гордилась тем, что не поддавалась женским слезам при малейшей возможности—но здесь был молодой человек (нет, мальчик), который, казалось, не испытывал никаких угрызений совести, нарушая почти священное правило "мужчины не плачут" стандартного мужского поведения.